
ОБЗОРЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Статьи по гомилетикѣ ¹⁾.

V.

Авторъ статьи подъ заглавіемъ: „Маленькая церковь“ высказываетъ двѣ—три очень интересныя мысли относительно внутреннихъ положительныхъ качествъ, какими должна отличаться *современная* христіанская проповѣдь. Свою рѣчь о задачахъ современной проповѣди авторъ влагаетъ въ уста священниковъ, собравшихся на доброй товарищеской вечеринкѣ.

— Жалуетесь, что народъ не слушаетъ проповѣди, выходитъ изъ церкви, какъ только священникъ подходитъ къ аналою, но ей Богу, не мы ли тутъ виноваты? Горячился молодой священникъ съ вдумчивымъ серьезнымъ лицомъ; я думаю, что совсѣмъ лучше не говорить проповѣдей *намъ*.

— Какъ не говорить, я что-то не понимаю, — возражаетъ главный его противникъ, немного постарше. А апостольское „благовременнѣ и безвременнѣ“?

— Да, не говорить. Наши проповѣди убиваютъ Евангеліе и только, не разъясняютъ его, а совсѣмъ отнимаютъ у мужика слово жизни. Почему поднимаетъ душу наше богослуженіе, не смотря на то, что оно народу мало понятно благодаря славянскому языку — очень просто. Оно окружаетъ правду свѣтомъ праздника, отрываетъ душу отъ обычныхъ впечатлѣній дня, напоминаетъ о существованіи неба, о возможности жить по другому, посвѣтлѣе, по — Божьи. Идутъ

---

¹⁾ Окончаніе. См. Богословскій Вѣстникъ, Октябрь.

сѣрые дни въ заботахъ о хлѣбѣ, о себѣ, и вотъ ихъ и разрываетъ праздникъ, съ обѣдней, звономъ колокольнымъ. Понятно, что человѣкъ встрепенется, очнется, оглянется. Евангеліе, которое читаетъ діаконъ изъ „золотой большой книги“ торжественно и громко, понятно народу только кусочками, но важно то, что эти кусочки освѣщены торжественностью, звучать особенно, какъ слова особенной книги. Добро, любовь, взаимопомощь, всѣ эти истины Евангелія мужикамъ представляются освѣщенными, радостными, необходимыми для жизни, великими, свѣтлыми, и онъ тянется къ нимъ, какъ листочки дерева къ солнцу.

Теперь, положимъ, вы говорите проповѣдь; предполагается, что это повтореніе Евангелія, то же, что и тамъ, только порусски, т. е. понятнѣе. И въ результатъ отъ проповѣди не остается почти ничего.

Почему? Да очень просто. Проповѣдь, это слово Евангелія, прочитанное со скукой безразличія. У діакона это безразличіе его чтенія скрыто и особымъ способомъ чтенія, и величіемъ обстановки.

Въ проповѣди слушатель чувствуетъ, что *намъ нѣтъ дѣла до евангельской истины*, и понятно, что и онъ становится къ ней безразличенъ. Мало того, эта печать безучастія, холодной скуки, равнодушія къ святымъ словамъ не только лишаетъ окраски и силы наше слово, оно ложится на самую истину; самыя истины Евангелія, огненные или земныя перестаютъ казаться живыми, яркими, праздничными, зовущими; онѣ обращаются въ блѣдныя фразы, назначенныя не для жизни, а для бесѣды по „должности“ для благочиннаго. И вотъ, повторяю, проповѣдь, разъясняющая Евангеліе, убиваетъ его, лишаетъ того остатка „зовущей мощи“, какую оно имѣло, въ неразборчивомъ чтеніи діакона „изъ золотой книги“...

Одинъ изъ батюшекъ началъ возражать говорившему.

— Не возражайте, не возражайте, продолжалъ говорившій. Скажите, развѣ мы выходимъ на кафедру взволнованные и согрѣтые святynieй того, о чемъ будемъ говорить, съ чувствомъ страха за спасеніе свое и своей паствы, съ внутренней потребностью сказать вотъ это-то и то-то, скорѣе сказать, спасти, спастись.

Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ.

Не обижайтесь Христа ради, отче, вѣдь понятно, что я больше всего о себѣ говорю, себя обвиняю; можетъ другіе и не такъ, какъ я; васъ я не слышалъ и въ душѣ вашей не былъ. Больно только.

— Да что, ужъ, вратъ-то; правду, конечно, говоришь ты, только не договорилъ кое-что. Въ этомъ, конечно, все дѣло, *горѣть* и *вспрять*; горишь, такъ разъяснишь, только выводъ то твой суровъ очень. Не горишь, такъ и не говори, да говорить то мы обязаны не только благочиннымъ, а самимъ Господомъ. Но правда и то, что такая проповѣдь, о которой ты говоришь „грѣхъ“. Такъ какъ же быть, неужели ужъ и выхода нѣтъ?..

— Нѣтъ, выходъ одинъ: стать святыми, перенести Евангеліе на скрижали своего сердца, загорѣться тѣмъ огнемъ, какой хотѣлъ „воврещи на землю“ Христось, — такъ вѣдь это не по нашимъ силамъ.

— Ну вотъ и неправда. Исходъ есть и научиться говорить, безъ боязни погубить своихъ „дѣтей“ этимъ словомъ, — есть. Попробуйте почитать мужикамъ что-нибудь о томъ, какъ поднять урожай. Можетъ они тебѣ не повѣрятъ или по косности не сдѣлаютъ ничего, но ужъ уйти, не дослушавши книжки до конца, не уйдутъ. Почему? А потому что тутъ ихъ затронуло за живое, задѣло за ихъ вѣчныя мысли, которыми они живутъ и движутся. Неужели въ проповѣди невозможно тоже? Здѣсь нужно помнить старый, очень старый совѣтъ: „говори не въ пространство, а людямъ“.

Одинъ богачъ много говорилъ поэту Соути о развращенности бѣдняковъ, о ихъ лживости, испорченности, лѣни. Поэтъ провель богача по улицамъ города, показалъ голодъ, нищету, болѣзни и скорбь живущихъ „на днѣ“, и богачъ умолкъ. Пройдите по деревнѣ, обойдите всѣ избы, всмотритесь въ эту жизнь, въ эти кошмары невѣрія, жестокости, въ затаенные уголки горячей вѣры, любви, и вы заговорите такъ, что васъ будутъ слушать, хотя бы были косноязычны и нѣмы. Вы не перемѣнитесь, конечно, сразу, но вашу душу заполюняютъ тѣ самые темы и вопросы, какими живутъ въ этихъ избахъ съ узенькими окнами. Вы совсѣмъ не знаете души, ихъ мыслей и говорите имъ то, что ничуть не затронетъ ихъ души, не задѣнетъ никакихъ больныхъ струнъ. Зачѣмъ же они будутъ слушать у васъ то, что ихъ не касается, что

говорится не о нихъ и не для нихъ? Говорите вы о тѣхъ ранахъ, которыя вы видѣли, болѣйте на кафедрѣ о гибели тѣхъ душъ, которыя тутъ же, откройте, завѣсу съ тѣхъ уголковъ, которые всѣмъ извѣстны, и васъ станутъ слушать, не уйдутъ отъ кафедры, потому что услышать рѣчь о себѣ...

„Душа человѣка сложная система колесиковъ, какъ въ часахъ, разсуждаетъ Гоголь, троньте верхнее колесо, часы не пойдутъ. Нужно найти то, которое управляетъ ходомъ, задѣньте его, оно задѣнетъ само второе, третье, и, наконецъ, послѣднее верхнее“. И въ душѣ мужиковъ не все такъ просто. Заговорилъ о пьянствѣ, воровствѣ, и конецъ. Нужно пойти въ глубь, тамъ отыскать какое-нибудь основное колесико, такую мысль и чувство, которое все всколыхнетъ, двинетъ весь механизмъ, и безъ подсказокъ выведетъ изъ самой души человѣка ту истину, какую мы хотимъ вложить сразу. И, конечно, для того, чтобы двигать внутреннія, а не верхнія колесики, нужно знать души до глубины ихъ, знать то, что ихъ волнуетъ, интересуется, гдѣ въ душѣ тѣ укромные уголки, на которыхъ можно сѣять.

Пусть вы и не заинтересованы въ хорошемъ сборѣ хлѣба съ вашей нивы, страстно, до конца (хотя это нужно для дѣланія очень), все-таки при этихъ условіяхъ васъ слушать будутъ, и урожай будетъ, хоть не во 100, а въ 30. Въ мѣру вашей силы. А когда мы вовсе не страдаемъ гибелью нашихъ дѣтей, но и не знаемъ, о чемъ съ ними говорить, то дѣйствительно, не зачѣмъ и говорить. Тѣ, которые уходятъ отъ нашей кафедры, правы. Они понимаютъ, что мы говоримъ не имъ, а въ пространство.

Рѣчь батюшки о причинахъ неуспѣха нашей проповѣди не всѣмъ понравилась.

— Жестоко слово сіе и кто можетъ понести его,—началь одинъ изъ нихъ говорить въ отвѣтъ на рѣчь перваго оратора. Значитъ, въ самомъ дѣлѣ, лучше ужъ ничего не говорить. Бремена тяжкія и неудобноносимыя вы возлагаете на насъ. Любить Евангеліе или по крайней мѣрѣ умѣть входить въ человѣческія души, развѣ это не одно и то же, т. е. не одинаково трудно? Конечно, при этихъ условіяхъ, какъ сказалъ о. Алексѣй, сумѣешь заставить слушать, но не значитъ ли это молчать десятки лѣтъ, пока приобрѣтемъ право, даръ и силу говорить. А намъ должно говорить. Нельзя отклады-

вать. Легко ли переродиться, полюбить пасомыхъ или ихъ узнать и проч. проч.?

Удобнѣе верблюду въ игольные уши пройти.

— Легко, просто, совсѣмъ просто, заговорилъ изъ толпы сѣдой священникъ, „дѣдушка“. Просто вмѣстѣ съ ними жить надо; приладиться къ ихъ жизни, къ избѣ. Ну, коль хотите изъ любопытства, только настойчиваго, упрямаго, всматривайтесь въ жизнь избы, и у васъ явится знаніе, а за знаніемъ и жалость къ нимъ, и эта жалость святой ноткой войдетъ въ ваше слово и привлечетъ къ вамъ и Богу слѣпныя души. Не брезгуйте только, войдите, говорю, въ избы и поживите душой съ ними, и все полюбите, противъ вашей воли полюбите и сроснетесь съ ними, съ своими чадами въ Богѣ. Полюбите, полюбите. Понять значитъ прощать, говорить одна французская поговорка.

Узнать близко, войти въ душу, въ злую или добрую, все равно, всегда значитъ простить, понять и полюбить. Я такъ вѣрую.

Дѣдушка священникъ остановился, подошелъ къ окну передохнуть.

Вотъ расскажу я вамъ, что со мной было, когда я пастырствовалъ первый годъ,—началь было онъ снова, и вдругъ прервалъ себя.

— Подите, подите сюда, вотъ вамъ и проповѣдникъ. Поучитесь-ка...

Среди улицы дѣйствительно происходила поучительная сцена. Баба съ заплаканнымъ лицомъ пыталась задержать мужа, который направлялся, очевидно, въ казенку. Около нея плакалъ 6-лѣтній мальченка, придерживавшійся за подолъ матери.

— Уйди ты, говорятъ, уйди.. ушибу, — пьяно повторялъ мужикъ, отталкивая жену.

Та не отступала. Неожиданно она нашла помощника. Къ группѣ подбѣжалъ Митя, „Божій человекъ“, дурачекъ или „юродивый“, съ дѣтскими свѣтлыми глазами и наивной улыбкой...

— Дядя, домой иди, плачетъ,—залепеталъ безсвязно юродивый, опять плачетъ.—Въ то же время рукой онъ ласково гладитъ мальчугана.

— Ну, чего ты дуракъ, прикрикнулъ мужикъ....

Баба снова навзрыдъ заплакала.

— Дядя, домой.—Митя схватилъ за полу мужика, спря-

талъ въ нее лицо и, то же по - дѣтски плача, всхлипывая, продолжалъ свою проповѣдь:

— Дядя, домой. Богъ-то-Богъ...

— И Ванька, Ванька просить...

Митя снова обнялъ мальченку, и тотъ довѣрчиво припалъ къ нему.

Мужикъ смущено остановился. Подумалъ и повернулъ домой.

— Да... видишь ты... проповѣдникъ.... Зрители (священники) больше не возобновляли разговора, они думали надъ этимъ удивительнымъ примѣромъ силы *любовнаго* слова. Почти нѣмой, съ лексикономъ во сто, двѣсти словъ, почти идиотъ, только съ большой жалостью и вѣрой въ то, что Богъ смотритъ, „Божій человѣкъ“ сдѣлалъ то, что едва ли удалось бы и священнику. „Мудрость премудрыхъ посрамлю“, заревѣлъ діаконовъ съ большимъ басомъ.

— Будьте, какъ дѣти... продолжалъ точно про себя пѣснь дьякона „дѣдушка“ священникъ. Это нужно, должно быть, не только для того, чтобы войти въ царство Божіе, а и для того, чтобы туда вести.

— Да, нужно вѣрить въ свое слово, оно всеильно, когда чувствуешь, что истина слова дорога тебѣ, какъ спасеніе, или по крайней мѣрѣ чувствуешь, что тебѣ жалко тѣхъ, кому говоришь, больно за нихъ и хочется спасти ихъ, приподнять твоимъ словомъ... Помоги намъ Богъ“ ¹⁾...

Взглядъ автора на задачи проповѣди такъ вѣренъ, правдивъ, понятенъ, полонъ жизненности, что едва ли еще нужно его какъ-либо комментировать. Все, что ни говоритъ авторъ, такъ знакомо и близко сердцу каждаго изъ насъ. Каждый, читая его строки, если будетъ вполнѣ искреннимъ и найдетъ мужество сказать правду открыто, несомнѣнно скажетъ, что вѣдь это онъ меня имѣетъ въ виду, говоря о недостаткахъ и недостаткахъ современной проповѣди. Нѣтъ пониманія духа Евангелія, нѣтъ правды, нѣтъ вѣры, нѣтъ жизни, нѣтъ искренности, нѣтъ настоящей любви, нѣтъ стремительности, нѣтъ жгучеи чувства... Одна почти сплошная схоластика, мертвечина, отъ которой просто умереть

¹⁾ Героин. Михаилъ. Маленькая церковь. Отдыхъ христіанина. Іюль. Стр. 145 слл.

даже можно. Задыхается отъ нея самъ проповѣдникъ, а о слушателяхъ ужъ не остается ничего и говорить. Какъ все это хорошо знакомо намъ...

Авторъ говорить только о характерѣ проповѣди, обращенной къ крестьянамъ. Но его взгляды имѣютъ полное свое значеніе и для тѣхъ проповѣдниковъ, которые говорятъ не крестьянамъ. Нужно только переставить нѣкоторые термины изъ его бесѣды. вмѣсто „пойди въ избу“, нужно сказать: „пойди въ хоромы“, вмѣсто вникни въ жизнь мужика, нужно сказать: „вникни въ жизнь городского жителя, интеллигента, барина“ и т. д.

И коренной недостатокъ городской проповѣди заключается въ томъ, что она говорится въ „пространство“, а не живымъ людямъ съ ихъ скорбями, радостями, заботами, невзгодами, томленіемъ духа. Она имѣетъ въ виду какого-то метафизическаго, отвлеченнаго слушателя, какого-то общечеловѣка. Ни чьего сердца она не касается, ни къ кому она не обращена. И стоитъ нашъ слушатель, полный изумленія, не зная, къ кому же собственно обращается проповѣдникъ и почему говорить онъ то, что говорить.

Эразмъ Родтердамскій, отмѣчая недостатки средневѣковой проповѣди, говорилъ: „проповѣди не имѣютъ связи ни съ небомъ, ни съ землей“. Многіе и изъ современныхъ проповѣдниковъ едва ли далеко ушли отъ этого тяжелаго упрека. И теперь многіе, особенно тѣ, которые не заглядываютъ въ „избы“ своихъ пасомыхъ, говорятъ то, что не имѣетъ связи „ни съ небомъ, ни съ землей“. Одинъ мой знакомый, недовольный современной проповѣдью, говорилъ однажды мнѣ.

— Ваша проповѣдь, какъ часословъ...

Я васъ не понимаю,—сказалъ ему я.

— Ничего непонятнаго тутъ нѣтъ. Часословъ вотъ ужъ сколько сотъ лѣтъ дьячки читаютъ съ одинаковымъ чувствомъ полнаго безразличія...

— Не даромъ кто-то изъ писателей (Щедринъ) сравнилъ дьячковъ съ трубой, черезъ которую только пролетаютъ звуки, не задерживаясь въ ней ни на минуту. Только пролетаютъ... и притомъ все одни и тѣ же звуки. Вогу и въ проповѣди то у васъ все также бываетъ. Говорятъ вѣчно одно и то же. Говорятъ съ полнымъ безразличіемъ. Дѣло доходить до того, что батюшка забываетъ, что онъ недавно из-

вѣстную проповѣдь лишь читалъ и снова ею назидаетъ своихъ слушателей. А сколько такихъ батюшекъ, которые изъ года въ годъ читаютъ все одинъ и тотъ же сборникъ проповѣдей? Его слушатели начинаютъ уже напередъ знать, о чемъ будетъ батюшка читать въ слѣдующее воскресенье.

Многіе говорятъ проповѣди только на извѣстныя церковныя событія: на Воздвиженіе, Казанскую, Смоленскую, Введеніе и т. д. И это изъ года въ годъ, вплоть до своей смерти. А тамъ пріѣдетъ другой новый батюшка и снова начнетъ то же самое, и опять вплоть до своей смерти... Развѣ это не часословъ?... И кажется, намъ со стороны, отнимите у васъ праздники, и вамъ станетъ не о чемъ говорить. Тогда изсякнутъ у васъ всѣ источники вашего краснорѣчія.... А между тѣмъ жизнь съ ея кричащими запросами остается безъ всякаго отвѣта. Стонутъ люди, взываютъ къ небу, мечутся по лицу земли, топятся, стрѣляются, вѣшаются, бросаются подъ поѣзда... А тамъ въ храмахъ изъ года въ годъ рассказываютъ все о Смоленской, Казанской, Троеручицѣ и т. д. Повѣрьте, вѣдь это даже жестоко...

Недавно умершій, весьма выдающійся, ученый архипастырь говорилъ мнѣ о нѣкоторыхъ современныхъ проповѣдникахъ.

— Выйдетъ на кафедру проповѣдникъ, станетъ говорить проповѣдь на какую-либо евангельскую притчу. И странное дѣло... Пока онъ читаетъ притчу по Евангелію, я все прекрасно понимаю. Какъ только начнетъ ее объяснять, я начинаю все менѣе и менѣе ее понимать. Потомъ подъ конецъ ужъ въ ней я совершенно ничего не понимаю.

Вотъ наше поясненіе слова Божія. Вотъ наше упрощеніе эвангельскихъ истинъ. Вотъ наше приближеніе ихъ къ пониманію слушателей...

Здѣсь то и заключается разгадка того, почему у насъ бѣгутъ отъ такихъ проповѣдниковъ. Вѣдь подобная проповѣдь дѣйствительно не имѣетъ къ слушателямъ никакого отношенія. Она не даетъ имъ ни правды, ни вѣры, ни искренности... Чему же учиться у такого проповѣдника? Лучше убѣжать отъ него, чтобы не оскорбить своего слуха и нравственнаго чувства, слушая и видя, какъ оскорбляется самимъ проповѣдникомъ Божія правда и истина. Здѣсь же простая разгадка и того, почему нѣкоторыхъ проповѣдниковъ слу-

шаютъ съ величайшимъ вниманіемъ, радостью и слезами, даже бѣгаютъ за такими служителями слова.

Вѣдь никого не научишь тому, чего самъ не знаешь. Никому не дашь того, чего самъ не имѣешь. Бѣднякъ не можетъ сдѣлать васъ богатымъ или зажиточнымъ человѣкомъ. Еще меньше можетъ дать вамъ золоторотецъ. Больной и немощной человѣкъ не можетъ послужить вамъ. И въ проповѣдничествѣ дѣло обстоитъ не иначе. Только тотъ можетъ дать, кто самъ что-нибудь имѣетъ въ своей душѣ. Разумѣю не фарисейство, а настоящую евангельскую чистоту жизнепониманія и жизнеустроения. Кто же говоритъ, чтобы только говорить, пусть лучше не появляется и на кафедрѣ: молча онъ больше принесетъ пользы своей паствѣ. Правда, онъ можетъ обмануть своихъ слушателей. Нѣкоторые могутъ придти къ нему на его призывъ. Но долго ли они останутся при немъ? Бѣдность и духовное убожество не скроются отъ пришедшихъ къ нему. И вотъ, не найдя у него того, чего они искали, побѣгутъ они отъ него съ прежнею мучительною скорбію въ душѣ. Больше ихъ едва ли ужъ онъ обманетъ. Это все равно, какъ если бы какой-либо бѣднякъ сталъ на перекресткѣ шумныхъ улицъ большого города и сталъ бы всѣмъ кричать:

— Идите всѣ ко мнѣ, я сдѣлаю всѣхъ васъ богатыми...

Многіе бы устремились на его зовъ. Но достаточно было бы имъ посмотреть на своего благодѣтеля, чтобы навсегда бѣжать отъ него въ сторону, можетъ быть, даже съ проклятiями...

Не нужно никогда забывать, что пастыръ учитель—вѣстникъ воли Божіей, если хотите, даже пророкъ. Церковная кафедра—мѣсто откровенія Божія, мѣсто слышанія Божіей правды. Отсюда и слово проповѣдника должно быть словомъ вѣстника, посланника Божія и пророка Божія. Какъ завидна эта священная высота церковной кафедры... Но и какъ опасна она... Сколько нужно имѣть духовныхъ силъ, чтобы достойно всходить на нее... Не даромъ говоритъ писаніе: „проклять всякъ, творяй дѣло Божіе съ небреженіемъ“.

VI.

Статью подъ заглавіемъ: „Евгеній Берсье, какъ проповѣдникъ“ ¹⁾, можно считать болѣе подробнымъ и обстоятель-

¹⁾ А. *Преображенскій*. Православный Собесѣдникъ 1903 г. Мартъ—Май.

нымъ отвѣтомъ на вопросъ о томъ, каковъ долженъ быть проповѣдникъ на дѣйствительной своей службѣ интеллигентному культурному обществу, въ отрѣшеніи отъ своихъ *сагробныхъ* идеаловъ, не въ случайномъ разговорѣ только о задачахъ проповѣди въ уютномъ уголкѣ какого-либо гостеприимнаго сельскаго батюшки, а на самой церковной кафедрѣ, въ пылу скорбей, радостей и туги сердечной о своей паствѣ.

Кафедру Евгенія Берсье всегда окружала масса слушателей. У ногъ его собирались и объединялись люди самыхъ различныхъ общественныхъ положеній, различныхъ религиозныхъ, моральныхъ и политическихъ убѣжденій. 34 года папъстырскаго самоотверженнаго служенія сдѣлали его имя извѣстнымъ не только въ предѣлахъ Франціи, но и далеко за предѣлами ея. Его проповѣди были переведены почти на всѣ языки. Это имя еще и до сихъ поръ остается популярнымъ не только на его родинѣ, но и далеко за границами ея. Слово этого замѣчательнаго церковнаго оратора еще долго, долго будетъ будить благодарную память въ сердцахъ не только тѣхъ, кто былъ непосредственнымъ его слушателемъ, но и тѣхъ, кто знакомится съ ними много лѣтъ спустя послѣ его смерти, кто чуждъ его родинѣ, далеко не раздѣляетъ всѣхъ его религиозныхъ убѣжденій. О смерти Евгенія Берсье Прессансе пишетъ: „рѣдко чья-нибудь смерть возбуждала такую неподдѣльную печаль, чувство „какой-то ³тягостной тайны“, какъ смерть Берсье, и рѣдко чье-либо погребеніе привлекало такую массу почитателей, какъ было при погребеніи знаменитаго французскаго проповѣдника“.

Проповѣдническая дѣятельность Евгенія Берсье заслуживаетъ особеннаго вниманія.

Переживаемое проповѣдникомъ время характеризуется, какъ эпоха глубокаго потрясенія и перелома. „Нигдѣ не замѣтно ни великихъ стремленій, ни могучаго одушевленія: повсюду разлагающій анализъ и самая беспощадная критика“ ¹⁾. Всѣ устои жизненные подвергнуты критикѣ въ лагерь передовыхъ людей, которые хотятъ стать „выше добра и зла“, хотятъ быть оригинальными хотя бы цѣною очевиднѣйшихъ нелѣпостей и парадоксовъ. Хвастаясь тѣмъ, что они „сожгли и разрушили всѣхъ боговъ“ ²⁾, освободили себя и

¹⁾ *Евг. Берсье*. Проп., т. 4, стр. 12.

²⁾ *Тамъ же*, т. 5, стр. 46.

другихъ отъ тѣхъ рабскихъ цѣпей, въ которыхъ держать челоуѣчество „предразсудки“, они „нашли въ другомъ мѣстѣ только бесплодную землю да зыбучій песокъ, на которомъ нельзя ничего укрѣпить и воздвигнуть“ ¹⁾. Какъ страдаютъ отъ этой „переоцѣнки цѣнностей“ и вѣрующіе, устойчивые люди... „Что можетъ быть печальнѣе, горче, какъ видѣть камень по камню разрушающееся святилище, гдѣ небо разверзалось предъ вами“ ²⁾?. „Истинный ликъ Христа извращенъ, прииженъ, уменьшенъ“ ³⁾. Въ Немъ не видятъ уже болѣе Бога-Спасителя, а только лучшаго и великаго челоуѣка“ ⁴⁾. „Каждое поколѣніе, каждая партія, сообразно своимъ вкусамъ и увлеченіямъ, навязываетъ Ему свой языкъ, свои чувства, свои стремленія: Его Евангеліе трактуютъ, какъ и произведеніе какого-либо писателя“ ⁵⁾. „Въ дѣйствіе благодати едва вѣрятъ“ ⁶⁾. Въ самой оградѣ Церкви не стало однихъ только единомышленниковъ. Для нѣкоторыхъ вѣра не составляетъ коренной основы жизни и дѣятельности, а нѣчто въ родѣ „поэтической приправы“ къ ихъ декадентскимъ и сентиментальнымъ грезамъ... Они предпочитаютъ оставаться при своихъ поэтически-неясныхъ порывахъ въ область всего сверхчувственного, при своемъ слащавомъ и нездоровомъ млѣніи ⁷⁾.

Крупные недочеты въ области религіозныхъ убѣжденій вызываютъ еще большіе недочеты въ области жизни и житейскихъ отношеній. Не стало у людей устойчивости. Большинство живетъ двумя діаметрально-противоположными жизнями: жизнью для Бога и міра. „Лица, сегодня вдающіяся въ набожность, вчера носились въ вихрѣ свѣта съ его тлетворнымъ дыханіемъ; сегодня они приносятъ покаяніе, а завтра забываютъ о немъ, сегодня даютъ милостыню, а завтра мечтаютъ о неправильныхъ приобрѣтеніяхъ, чтобы ничего не потерять въ общественныхъ удовольствіяхъ и удоб-

1) Тамъ же, т. 5, стр. 89.

2) Тамъ же, т. 5, стр. 88.

3) Тамъ же, т. 5, стр. 97.

4) Тамъ же, т. 5, стр. 81.

5) Тамъ же, т. 5, стр. 110.

6) Тамъ же, т. 5, стр. 102.

7) Тамъ же, т. 5, стр. 68—93.

ствахъ жизни“¹⁾. Эта общественная болѣзнь создаетъ совершенно развѣченнхъ и ни къ чему неспособнхъ, переутомленнхъ людей, неспособнхъ на серьезный трудъ, и это поистинѣ — „слабыя дѣти разслабленной эпохи“²⁾. Миръ ближнихъ для такихъ людей почти совсѣмъ не существуетъ.

Рядомъ съ ними прозябаютъ рядъ людей, которые хотя и дѣлаютъ добро, но исключительно по расчету, изъ страха отвѣтственности тамъ, въ далекомъ загробномъ мирѣ. Ихъ заботы о спасеніи своей души ни мало не отличаются отъ заботъ чиновника о прокормленіи своей семьи или отъ заботъ купца объ умноженіи своихъ капиталовъ. Ихъ отношеніе напоминаетъ собою биржевое соглашеніе, биржевую сдѣлку, по которой одна сторона должна выплатить другой „точно и по расчету“, копейка въ копейку. Они не сознаютъ нравственной необходимости свободно, всѣмъ сердцемъ принадлежать Богу. „Они высчитываютъ предъ Богомъ количество своихъ добродѣтелей, не думая, что уже одна гордость уничтожаетъ всю заслугу ихъ добрыхъ дѣлъ“. „Они отходятъ требовать себѣ законнаго мѣста въ обществѣ святыхъ, — въ томъ безконечномъ свѣтѣ, гдѣ царствуетъ Богъ,—идутъ и не знаютъ, что одинъ взглядъ Праведнаго Судіи, освѣтивъ страшнымъ свѣтомъ глубину ихъ нравственной жизни, былъ бы достаточенъ ихъ осудить“³⁾.

Если такая путаница, царитъ въ жизни, то не меньшая путаница замѣчается и въ теоретическихъ мнимо-научныхъ выводахъ о христіанской морали. Личнаго живого Бога для многихъ не существуетъ. Свобода воли — абсурдъ. Каждый поступокъ человѣка — результатъ вліянія характера, расы, условій жизненныхъ. Лѣчебница должна замѣнить тюрьму, состраданіе—правосудіе“⁴⁾.

Не лучше позитивно-натуральной школы и сентиментальный аномизмъ. „Изъ идеи о Богѣ онъ сдѣлалъ нѣчто изнѣженное и женственное“, а изъ Его милосердія—снотворный напитокъ, приводящій къ самому безпорядочному разгулу. Богъ—любовь. Что за дѣло Ему до нашихъ слабостей и заблужденій? „Чѣмъ и какъ ограниченные люди могутъ на-

1) Тамъ же, т. 2, стр. 158.

2) Тамъ же, т. 3, стр. 132.

3) Тамъ же, т. 3, стр. 210.

4) Тамъ же, т. 5, стр. 104.

рушить ясное спокойствіе Всемирнаго Существа? Оставьте же вапъ судъ, ваши обвиненія, ваши анаѳемы“. „Богъ любовь — итакъ мы свободны мыслить, дѣйствовать и любить по своему“. „Долой нетерпимость, небо открыто намъ всѣмъ“ ¹⁾).

Соціалъ-демократія, проповѣдующая „равенство общей сн-тости“, при совершенно безразличномъ нравственномъ настроеніи, замѣнила для многихъ все: и Бога, и Христа, и евангельскія истины, и обѣщанія Церкви“. Они возмущаются, богохульствуютъ, привыкаютъ жить безъ Бога и вѣчной надежды, они говорятъ религіи прямо въ лицо: „ты мнѣ не нужна“ ²⁾. Они не вздыхаютъ о блаженствѣ на небѣ, говорятъ, что небо они предоставляютъ „ангеламъ и глупцамъ“. Ихъ небо здѣсь на землѣ. „Печальныя ученія, которымъ они расточаютъ свои рукоплесканія, отнимаютъ у нихъ всякій нравственный обликъ, лишаютъ ихъ доступа къ небу, заключая ихъ жалкое существованіе въ тѣсныя рамки безсловесныхъ животныхъ“ ³⁾).

Вотъ аудиторія, предъ которой долженъ былъ выступать съ словомъ назиданія Евгеній Берсье. Тяжелая лежала на немъ задача. Какъ многіе бы изъ насъ бѣжали въ его положеніи съ завидной высоты церковной кафедры. Евгенію Берсье приходилось бороться со всѣми отрицательными сторонами современной да еще западной культуры, глубоко проникшими въ жизнь, заполнившими во многихъ случаяхъ ее всю до послѣднихъ мелочей. Здѣсь не помогла бы никакая схоластика, какъ бы она ни была хитро и тонко сплетена. Здѣсь не помогли бы никакія туманныя безпочвенныя разсужденія о смиреніи, терпѣннн и т. п. назидательныя рѣчи. Здѣсь не помогли бы и никакіе назидательные источники, пособія и авторитеты, какими бы славянскими буквами они ни были выписаны, росписаны и написаны. Здѣсь нужно было противопоставить внутренней почти непреодолимой силѣ заблуждающихся людей такую же внутреннюю силу, мощи убѣжденія невѣрующихъ—мощь убѣжденія вѣрующаго, антихристіанственности—христіанственность, заполняющую собой всѣ жизненныя отношенія людей, начиная отъ самыхъ ничтож-

¹⁾ Тамъ же, т. 3, стр. 211—212.

²⁾ Тамъ же, т. 2, стр. 179.

³⁾ Тамъ же, т. 2, стр. 180.

ныхъ ея сторонъ и кончая самыми крупными. Здѣсь нужно было говорить въ духѣ современной цивилизаціи, образами этой цивилизаціи, ея языкомъ. Никакой другой языкъ не былъ бы для нея понятнымъ. Никакіе архаизмы схоластическіе здѣсь не помогли бы проповѣднику. Никакіе образы, хотя бы давность ихъ измѣрялась тысячелѣтіями, хотя бы они принадлежали великимъ святымъ людямъ, не были бы полезны здѣсь.

Секретъ успѣха проповѣди Евгенія Берсье заключается въ ихъ глубокой жизненности, современности и искренности. У Евгенія Берсье вы не найдете ни одной проповѣди, которая была бы обращена „въ пространство“, къ „миѳическимъ слушателямъ“, шла бы мимо жизни. У него вы не найдете не только не одной такой проповѣди, но даже и ни одной подобной тирады. Онъ не говорилъ о смиреніи, взятомъ въ отвлеченіи, внѣ времени и пространства. Онъ не выхватывалъ безъ всякаго плана и всякой цѣли различныя догматическія истины и не „изводилъ“ своихъ слушателей поразительнымъ хитрословеснымъ сплетеніемъ всевозможныхъ ненужныхъ отвлеченныхъ премудростей, не томилъ слушателей безжизненнымъ, мертвеннымъ, ужаснымъ схоластицизмомъ. Онъ вѣщалъ съ своей высокой каѳедры только правду жизни, его слово касалось болѣзней и скорбей, радостей и успѣховъ его слушателей. Падая съ высоты въ низину, оно было добрымъ сѣменемъ пахаря, брошеннымъ на добрую почву, а не на воздухъ или въ трущобы и по дорогамъ. Падая не на дорогѣ, оно естественно было творческимъ словомъ, будило въ душѣ человѣка лучшія силы и влекло на тотъ просвѣтъ небесный, какой предъ каждымъ изъ насъ постоянно свѣтится хотя бы и въ самыхъ минимальныхъ размѣрахъ.

Благодаря этому жизнь паствы Евгенія Берсье вся проходитъ предъ нашими глазами со всѣми темными и свѣтлыми сторонами. По его проповѣдямъ можно составить прекрасную характеристику общества его времени. Онъ—живая исторія людей того времени. Это не проповѣди, которыя „не имѣютъ ничего общаго ни съ небомъ, ни съ землей“, а потому могутъ быть отнесены съ одинаковымъ правомъ къ различнымъ эпохамъ и народамъ, какъ проповѣди внѣвременныя и внѣпространственныя. По нимъ будущій историкъ

несомнѣнно можетъ и будетъ писать исторію французскаго общества.

Евгеній Берсье неустрашимо выступилъ въ борьбу за Христа, Котораго любилъ горячо и беззавѣтно. Безбоязненно всходилъ онъ на церковную кафедру, всходилъ не затѣмъ, чтобы робко заискивать у своихъ противниковъ, а чтобы силой своего слова властно покорять себѣ сердца всѣхъ людей. И его слово, полное силы и одушевленія, глубины и остроты, свѣжести и жизненности, нѣжности и ласки, дѣйствительно смиряло толпу, заставляло ее опять идти къ Христу. Все, что многіе изъ его паствы не понимали или прямо даже отрицали въ Евангеліи, онъ защитилъ, разъяснилъ и опять ввелъ въ жизнь и бытъ мятущихся людей.

Вотъ онъ говоритъ объ „историческомъ христіанствѣ“. Христіанство—могучій источникъ всякаго творчества и прогресса. „Евангеліе до безконечности расширило мысль, надежды, стремленія и привязанности человѣка, что нѣтъ другого ученія, которое бы открыло человѣческому духу бѣльшую перспективу развитія, что самая наука, искусство и государственность только тогда и преуспѣваютъ, когда слѣдуютъ за солнцемъ христіанской истины въ ея восходящемъ пути“¹⁾. „Бросьте взглядъ на карту всего земного шара. Гдѣ нравственная жизнь, прогрессъ, цивилизація, наконецъ будущее? Тамъ, гдѣ пронеслось слово Галилеянъ, гдѣ оно вошло въ умъ и сердце народовъ. Всѣмъ, что въ немъ есть лучшаго, настоящій міръ обязанъ этой горсти людей; наши вѣрованія и нравы проникнуты ихъ вліяніемъ. Въ то время, какъ древній міръ разлагался все больше и больше, такъ что въ апогеѣ своей цивилизаціи былъ не болѣе, какъ остывшимъ холоднымъ трупомъ, въ обществахъ христіанскихъ является скрытая жизненная сила, которая противостоитъ всему и которая, послѣ 18 вѣковъ, на все распространяетъ свое побѣдоносное вліяніе. Вѣра этихъ Галилеянъ такъ смѣшалась съ нашей жизнью, что вы не можете ихъ раздѣлить. Она въ нашихъ законахъ и ихъ преобразуетъ и совершенствуетъ, она въ нашихъ нравахъ и спасаетъ ихъ отъ порчи, которою грозитъ заразить ихъ современное язычество, она въ нашей семейной жизни, въ томъ нѣжномъ

¹⁾ Тамъ же, т. 3, стр. 195.

и святомъ уваженіи, которымъ окружена супруга христіанина и его дитя, она въ нашихъ чистыхъ радостяхъ, которыхъ не заклеимиль эгоизмъ, она въ сочувствіи, постоянно увеличивающемся въ пользу бѣдныхъ и обездоленныхъ людей на землѣ, она въ утѣшеніи, распрстраняемомъ Евангелиемъ на наши страданія, она въ словахъ жизни и неумирающей надежды, которую мы пишемъ на могилахъ нашихъ усопшихъ, она въ нашей совѣсти, возмущающейся несправедливостями и мерзостями, она вездѣ. И учитель сказалъ истину, обращаясь къ ученикамъ: „вы соль земли“. Все, чѣмъ владѣтъ высшее, доброе, святое, чѣмъ владѣтъ міръ, источникъ той жизненной рѣки, которая приноситъ міру возрожденіе, утѣшеніе и надежду—не въ наукѣ, а въ глубинахъ религіознаго откровенія“¹⁾. „Только Христосъ приноситъ народамъ жизнь и душамъ мятущихся людей миръ. Только Онъ поставилъ нравственный міръ на его правильную, настоящую ось. Только Онъ открылъ и освятилъ въ лицѣ своемъ новую тайну жизни, которую никогда не зналъ естественный міръ, которая и до сихъ поръ незнакома естественнымъ друзьямъ человѣчества“²⁾.

Берсье защищаетъ христіанство отъ нареканій на него, будто бы оно проповѣдуетъ только „пассивные идеалы“. Для раскрытія этихъ мыслей онъ произноситъ свою чудную рѣчь о смирении.

Обвиняютъ христіанство въ томъ, что оно проповѣдуетъ только „загробные идеалы“. И здѣсь Берсье выступаетъ съ словомъ назиданія. Ницше въ данномъ случаѣ произноситъ замѣчательную фразу по адресу церковныхъ идеаловъ: „зарываніе головы въ песокъ небесныхъ дѣлъ“. Берсье неподражаемо прекрасно опровергаетъ съ каеэдры эти заблужденія относительно христіанства, присущія не только невѣрующимъ, но иногда и глубоко вѣрующимъ, находящимся въ самой оградѣ церковной и даже больше того, въ самомъ святилищѣ, въ качествѣ первостоятеля общины.

„Гдѣ вы видѣли, говорить проповѣдникъ, чтобы христіанство учило насъ презирать или даже небрежно относиться къ землѣ? и ко всему тому, что съ ней связано? Напротивъ,

¹⁾ Тамъ же, т. 4, стр. 90.

²⁾ Тамъ же, т. 4, стр. 120.

оно приказываетъ намъ дѣйствовать на землѣ, правда, не отдаваясь ей всецѣло. Земля не есть и не можетъ быть цѣлю христіанина, но она театръ его дѣятельности, то самое мѣсто, гдѣ готовится его вѣчная будущность. Презирать настоящую жизнь... Но она первый актъ вѣчной жизни. Христіане, что вы можете презирать на землѣ? Время? Но вы должны „искупать“ его. Природу? Но вы находите въ ней отпечатокъ Бога. Тѣло? Но вы должны уважать его, какъ храмъ Святого Духа. Ваши способности? Но онѣ созданы для безконечнаго прогресса. Работу? Но это вашъ законъ. Прогрессъ? Но въ христіанскихъ націяхъ онъ не существуетъ. Поднятіе духа бѣдныхъ и обиженныхъ? Но и служба ихъ дѣлу, Евангеліе объявляетъ, что вы служите самому Христу. Поступки благородныя, возвышенныя, великодушныя? Но св. Павелъ спеціально говоритъ, что они должны составлять предметъ вашихъ мыслей“ ¹⁾.

„Предполагаю, что если я гражданинъ небесъ, то я буду небрежно относиться къ землѣ. Зачѣмъ? Зачѣмъ противоставлять эти двѣ жизни, которыя, какъ учить св. Писаніе, составляютъ только одну жизнь вѣчную, начинающуюся здѣсь на землѣ для того, чтобы расцвѣсть за покрываломъ? Что-же? Потому что я вѣрю въ высшую побѣду справедливости и добра на возобновленной землѣ, я съ меньшимъ усердіемъ буду стремиться къ ней теперь? Потому что я вижу въ бѣдномъ невольникѣ своего брата въ вѣчной славѣ, я здѣсь останусь хладнокровнымъ, видя его страдающимъ, презрѣннымъ? Потому что для меня вѣчное блаженство будетъ заключено въ гармоніи освященной души, я съ меньшей энергіей буду возставать противъ зла и грязи? Но усматриваете ли вы, что именно въ этомъ я черпаю силу въ часы ослабленія бодрости духа при моемъ паденіи? Что случилось бы съ моими надеждами, чувствами, трудами, если текущій часъ долженъ унести все съ собою? Ради чего отказываться отъ того, что представляется непосредственнымъ счастьемъ и совершеннымъ безконечнымъ блаженствомъ? Теперь ограничимъ нашъ горизонтъ, возьмемъ отъ настоящаго часа все, что онъ можетъ дать намъ, будемъ наслаждаться, ибо завтра мы умремъ. Напрасно будутъ говорить

---

¹⁾ Тамъ же, т. 4, стр. 135.

о высшихъ порывахъ, безконечныхъ стремленіяхъ человѣческой природы. Эти порывы умрутъ скоро, если у нихъ нѣтъ вѣчности, подобно тому, какъ умираетъ растеніе, безъ воздуха и яснаго неба. Нѣтъ, если я долженъ удовлетвориться этимъ свѣтомъ, если вмѣсто того, чтобы перейти черезъ него, я долженъ въ немъ остаться, если эта земля есть одно мое отечество и одно мое наслѣдство, жизнь для меня не имѣетъ больше смысла. Она остается для меня загадкой настолько же жестокой, насколько непонятной, и нужно написать на ея порогѣ печальныя слова, которыми ап. Павелъ резюмировалъ состояніе язычниковъ своего времени: „безъ Бога, безъ надежды“. Напротивъ, откройте мнѣ вѣчность и скажите мнѣ, что жизнь есть только путешествіе, дорога впередъ, и что меня ждетъ другое отечество, тогда я въ состояніи все начать и предпринять, и горькое сознаніе суетности исчезаетъ во мнѣ. Я могу дѣйствовать, можетъ быть, безъ успѣха, сѣять на почвѣ неблагодарной, но я знаю, что мои жертвы, мои работы и слезы суть тѣ сѣмена, которыя дадутъ ростки въ тотъ день, когда войдетъ Солнце міра незаходимое. Я могу любить ближняго въ присутствіи смерти. Я знаю, что она погаситъ эти сочувствовавшіе мнѣ взоры. Но въ моемъ сердцѣ остается безсмертная надежда, которую я и могу противопоставить раздирающей душу дѣйствительности. Итакъ, настоящая жизнь вездѣ и всегда понимается и освѣщается только свѣтомъ вѣчности“ ¹⁾.

Съ такой же несокрушимой силой говоритъ Берсье противъ проповѣдниковъ независимой морали, адогматистовъ, детерминистовъ, капиталистовъ, революціонеровъ. И о чемъ онъ ни говоритъ, говоритъ всегда необыкновенно увлекательно, живо, убѣдительно и побѣдоносно. Приведемъ еще нѣсколько строкъ изъ его чудныхъ проповѣдей на современныя темы.

Защитники безрелигіозной культуры проповѣдуютъ разединеніе нравственности и религіи. Но это немислимо. „Скорѣе можно отдѣлить вѣтку отъ дерева, лучъ отъ солнца, рѣку отъ источника, чѣмъ христіанскую нравственность отъ христіанскихъ догматовъ“ ²⁾. Связь догма-

1) Тамъ же, т. 4, стр. 235—237.

2) Тамъ же, т. 4, стр. 41.

товъ съ нравственностью неразрывная, органическая. Каждый догматъ заключаетъ въ себѣ непременно какую-либо высокую нравственную идею и является для нея основаніемъ, почвой“. Нѣтъ въ христіанствѣ ни одного догмата безъ какой-либо нравственной заповѣди. „Подобно тому, какъ нельзя указать такой части человѣческаго тѣла, изъ которой не вытекала бы кровь, такъ же точно нельзя указать такого евангельскаго ученія, изъ котораго живой плодотворной струей не исходила бы нравственность. То, что меня болѣе всего поражаетъ въ Св. Писаніи, — это практической характеръ его наставленій. Здѣсь нѣтъ ничего метафизическаго, вы не найдете въ немъ ни одного чисто философскаго опредѣленія Бога. Богъ проявляется здѣсь только въ *дѣлахъ* своихъ“ ¹⁾. Краснорѣчивымъ доказательствомъ этого можетъ служить настроеніе вѣрующихъ и невѣрующихъ людей. Живымъ примѣромъ этого можетъ также быть самая благородная школа древней морали—стоицизмъ, служившій холодному, величавому идеалу долга, — „этому мѣдному идолу на деревянныхъ ногахъ“, — и въ то же время по какой-то ужасной логикѣ, удивлявшій міръ огромнымъ числомъ своихъ учениковъ, кончившихъ самоубійствомъ ²⁾. „Исторія открываетъ одно грустное обстоятельство, что часто люди, которымъ поклонялось человѣчество, презирали его самымъ глубокимъ образомъ. Нѣтъ ничего легче, какъ припомнить слова Фридриха 2, Вольтера, Наполеона, въ которыхъ замѣтно кровное презрѣніе къ ближнему“ ³⁾. Такова естественная мораль, освобожденная отъ своей догматической основы, вѣры въ Бога и жизнь „ради Христа“.

Любопытны и тѣ строки Берсье, гдѣ онъ говоритъ о служеніи ближнимъ. Берсье держится древняго правила, что христіанинъ долженъ служить Богу въ лицѣ бѣдныхъ и падшихъ, — „этихъ преимущественныхъ кліентовъ Церкви“, какъ онъ весьма удачно и справедливо выражается. Въ прекрасной характеристикѣ Берсье вскрываетъ эгоизмъ, черствость и внутреннюю замкнутость людей, погруженныхъ въ опыты наблюденія надъ своею личною совѣстью, сужни-

¹⁾ Тамъ же, т. 4, стр. 41.

²⁾ Тамъ же, т. 4, стр. 236.

³⁾ Тамъ же, т. 4, стр. 129—130.

вающихъ духъ Церкви до борьбы съ собственными грѣхами, совершенно равнодушно и безучастно относящихся ко всему земному, „подъ предлогомъ безпристрастія доходящихъ до эгоистическаго покоя и думающихъ, что такимъ путемъ они принесли на грѣшную землю чувствованія гражданина небесъ“ ¹⁾. „Они высказываютъ полное равнодушіе ко всему земному. Заранѣ помѣщаютъ себя на небѣ, совершенно безразлично относятся ко всему великому человѣческому“. Этихъ заблужденій и крайностей истинное христіанство не знаетъ ²⁾. И это вполне справедливо.

Я не буду болѣе приводить доказательствъ того, какъ живо и умѣло отзывался съ церковной кафедры на всѣ злободневные вопросы Берсье. Достаточно, думаю, и приведенныхъ.

Авторъ разсматриваемой нами статьи высказываетъ слѣдующее пожеланіе русскимъ пастырямъ по отношенію къ выдающемуся французскому проповѣднику. „Личность Берсье и его проповѣданіе такъ своеобразны и интересны и въ то же время проливаютъ такой ясный свѣтъ на условія дѣйственности всякаго вообще проповѣдническаго слова, что по праву заслуживали бы особаго вниманія съ пастырско-гомилетической точки зрѣнія. Намъ казалось бы даже, что въ настоящее время, время болѣе спокойнаго, хотя не менѣе настойчиваго обсужденія вопроса о слияніи Церкви съ интеллигенціей, о необходимости созданія у насъ особой, принаровленной къ средне-интеллигентному читателю духовной литературы, внимательной къ тому, чѣмъ живетъ, о чемъ думаетъ, что читаетъ, къ чему стремится наше свѣтское общество, особенно благовременно будетъ вспомнить о томъ ораторѣ, проповѣдь котораго была современною въ самомъ лучшемъ и точномъ смыслѣ этого слова, кто имѣлъ счастье видѣть приведенными къ своему алтарю людей всѣхъ господствующихъ направленій вѣка, кто обладаетъ поразительнымъ умѣньемъ „оживлять замирающія души человѣческія“ и призывать ихъ отъ хаоса суеты мірской къ радости вѣры и разумной жизни по вѣрѣ. Не слѣдуетъ смущаться тѣмъ, что Берсье принадлежитъ къ инославному церков-

¹⁾ Тамъ же, т. 4, стр. 233—234.

²⁾ Тамъ же, т. 4, стр. 233—234.

ному обществу“. Его проповѣди свободны отъ всѣхъ вѣроисповѣдныхъ крайностей и разностей ¹⁾).

Мы съ величайшей охотой присоединяемся къ этому пожеланію автора, но съ нѣкоторыми ограниченіями. Мы думаемъ, что оно для большинства еще совершенно преждевременно. Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ мы найдемъ такую аудиторію, которая, слушая проповѣди въ стилѣ и духѣ Берсье, могла бы всегда понять проповѣдника? Да и гдѣ мы найдемъ въ достаточномъ количествѣ такихъ пастырей, которые могли бы говорить, какъ говорилъ и писалъ Берсье?

Мнѣ думается, что намъ придется еще долго ждать того времени, когда мы будемъ въ состояніи такъ же говорить, какъ говорилъ Берсье. Нужно ждать того времени, когда просвѣщеніе широкой волной разольется по лицу русской земли въ ширь и въ глубь, и станетъ неотъемлемымъ достояніемъ народа, руководящимъ началомъ въ его жизни, когда падутъ внѣшніе авторитеты, и люди будутъ жить внутренними началами, носить вѣру въ Бога и въ жизненные устои въ своей груди и въ своей совѣсти. Теперь же проповѣди Берсье не могутъ пока выдти за предѣлы тѣсной, немногочисленной аудиторіи вполне просвѣщенныхъ людей, нашей передовой интеллигенціи. И это понятно. Мы хотимъ пересадить на свою почву то, что выросло и созрѣло въ странѣ, которая далеко опередила насъ и своей культурой, и своимъ просвѣщеніемъ. Ясно, что ея кафтаны намъ будутъ не по плечу ²⁾).

Итакъ, будемъ ждать того времени, когда книжная мудрость у насъ перейдетъ изъ книгохранилищъ съ книжныхъ полокъ и изъ старыхъ фоліантовъ, въ кожаныхъ переплетахъ, въ душу каждаго человѣка и станетъ его внутреннимъ неотъемлемымъ достояніемъ. Тогда и проповѣдь наша измѣнится существенно...

VII.

Намъ пока еще не только Берсье съ свободой и широтой своихъ воззрѣній не по плечу, но и даже самая то обыкно-

¹⁾ А. Преображенскій. Соч. цит. стр. 383. Мѣс. Мартъ.

²⁾ Жалѣю, что авторъ въ своей дѣльной статьѣ о Берсье не отмѣтилъ недостатковъ этого проповѣдника и недостатковъ весьма замѣтныхъ и крупныхъ.

венная, простая, почти первобытная проповѣдь не по плечу. Вотъ вамъ и доказательства этого.

Въ послѣднее время снова въ литературѣ подняли вопросъ о „живомъ словѣ“. Проф. Таръевъ высказывается всецѣло за „живое слово“. „Въ основѣ теоріи писаной проповѣди,—говоритъ онъ,—лежитъ совершенно ложный взглядъ на христіанскую истину, какъ на книжную мудрость“, воспитываемую „книжной школой, отчужденной отъ жизни“. „Проповѣдь по тетрадкѣ есть насажденіе искусственное, которое воспитано обильнымъ трудомъ въ теченіе продолжительнаго времени. Книжная школа—вотъ первая разсадница такой проповѣди. Въ ней усиленно пріучаютъ къ письменному выраженію мыслей, отучая отъ живой рѣчи. Въ ней пріучаютъ смотрѣть на проповѣдь, какъ на сочиненіе. Она создала проповѣдниковъ, которые научаются сочинять проповѣди прежде, чѣмъ они сами начинаютъ переживать въ жизни христіанскую истину, для которыхъ христіанская истина есть истина книжная, отвлеченная. Въ глубочайшей основѣ книжной проповѣди лежитъ отвлеченный взглядъ на христіанскую истину, отсутствіе духовной опытности, отчужденіе отъ жизни. Обычай проповѣдовать въ храмѣ по тетрадкѣ поддерживается условіями избранія нашихъ пастырей, ихъ приготовленіемъ, характеромъ ихъ отношеній къ паствѣ, вообще историческими обстоятельствами и привычками, но никакъ не разумными.. основаніями. Всѣ возраженія противъ устной проповѣди проистекаютъ только изъ недоразумѣнія“. „Для пастыря проповѣдничество есть не упражненіе въ словѣ, а дѣло жизни, для него рѣчь—средство живого общенія. Для него говорить по тетрадкѣ сочиненное столь же неестественно, какъ неестественно отцу ласкать и наставлять своего сына заранѣе сочиненными словами по тетрадкѣ; для него столь же странно думать о формѣ рѣчи, объ искусственномъ расположеніи мыслей, о выборѣ выраженій, какъ и для посланника спѣшащаго передать вѣсть, отъ которой зависитъ спасеніе города“¹⁾.

Сѣдая старина, глубокая древность почти не знаетъ нашихъ хартій и свитковъ рукописныхъ. „Въ древнія времена христіан-

¹⁾ Проф. М. Таръевъ. По вопросамъ Гомилетики. Критическіе очерки. Серг. Пос. 1903 г. Стрр. 163 слл.

ства импровизація была главнымъ видомъ проповѣданія. Знаменитѣйшіе отцы Церкви говорили свои бесѣды большею частію безъ приготовленія и не писали ихъ на хартіяхъ. Тетрадь съ готовою проповѣдью тогда почиталась признакомъ неспособности къ проповѣдничеству. Того не хотѣли и слушать, кто показывался на кафедрѣ со свиткомъ въ рукахъ. Миссіонеры всѣхъ временъ также импровизировали“¹⁾,

Говорить ли въ данномъ случаѣ о Христѣ Спасителѣ? Вся земная жизнь и дѣятельность Спасителя была почти одною непрерывною проповѣдью и ужь, конечно, не по тетрадкѣ. У Спасителя не было какой либо опредѣленной кафедры или аудиторіи, въ которой бы Онъ предлагалъ народу свое ученіе. Всякое мѣсто въ Палестинѣ было для Него и аудиторіей и кафедрой. Вотъ слушаетъ Его народъ на берегахъ чуднаго Галилейскаго озера. Вотъ уходитъ онъ вмѣстѣ съ Нимъ въ одно пустынное мѣсто, находившееся недалеко отъ Виссаиды. Вотъ онъ слушаетъ Его, располагаясь по склонамъ горы. То уходитъ вмѣстѣ съ Нимъ въ сѣверные предѣлы Галилеи, то переправляется по свѣтлымъ водамъ Геннисаретскаго озера въ мрачную Гавланитиду. Проповѣдуетъ Спаситель въ храмѣ Иерусалимскомъ, проповѣдуетъ въ купели Силоамской, на берегахъ Иордана, у колодца Іакова, на улицахъ различныхъ городовъ, въ домахъ богачей и бѣдняковъ, въ синагогахъ іудейскихъ. Онъ переходитъ изъ города въ городъ съ словомъ благовѣствованія, обходитъ всю Палестину. И св. Апостолы не тетрадками уловляли цѣлые годы различныхъ людей въ священную ограду Церкви...

Современный ложный взглядъ на проповѣдь, какъ на кабинетную работу, убиваетъ самую проповѣдь, перестаетъ интересоваться даже самихъ проповѣдниковъ, ибо теряетъ всякій живой смыслъ. Въ самомъ дѣлѣ, для чего говорить на воздухъ и въ пространство? Для чего заниматься фарисействомъ? Для чего возлагать на плечи другимъ то, чего самъ не несешь? И вотъ „99% нашихъ пастырей *молчатъ*“. Они не только не говорятъ рѣчей въ родѣ бесѣды Берсье, но даже *молчатъ*. Отсюда—религиозное невѣжество народа, отсюда—сектантство, отсюда—всевозможныя заблужденія и сомнѣнія, отсюда—наши блужданія и тяги въ различныя сто-

1) Проф. Амфитеатровъ. Чтен. о церковн. словесн. Т. II, стр. 214.

роны. И что же? Намъ и эту простую и понятную истину приходится еще защищать и доказывать. Приходится писать о „свѣтобоязни“ и притомъ по отношенію къ такимъ людямъ, которые считаютъ себя проповѣдниками и имѣютъ печатные сборники своихъ проповѣдей...

Пока нашелся еще одинъ только священникъ—идеалистъ, который честно и добросовѣстно откликнулся на призывъ свѣтскаго лица къ „живому слову“. Это—священникъ о. Недѣльскій, помѣстившій въ Странникъ весьма сочувственную и дѣльную, хорошую статью. Вотъ какъ разсуждаетъ о. Недѣльскій.

„Горька пилюля Тарѣвская“, но она какъ нельзя болѣе благовременна. Нужно благодарить его, что онъ предупреждаетъ русскаго пастыря и бьетъ тревогу проснуться и пробуждаетъ русскаго пастыря. Времена для Церкви теперь наступаютъ тревожныя. Безъ живого слова и полного глубокаго убѣжденія и вѣры, нельзя болѣе показываться уже не только предъ интеллигентнымъ обществомъ, но даже очень часто и предъ многими изъ простецовъ крестьянъ. Всѣ жаждутъ слышать „живое слово“. Но его въ православныхъ храмахъ нѣтъ и храмы наши замѣтно все болѣе и болѣе пустѣютъ. Съ ужасомъ и откровенностію о. Недѣльскій признаетъ правдивость жуткой картины пустого храма въ „Тревожной ночи“ В. В. Розанова. Вотъ эта картина.

„И ходитъ священникъ по храму и поетъ: „хвалите, раби, имя Господне, имя Господне, хвалите, раби Господа“... А рабовъ-то и нѣтъ. Всѣ они покинули храмъ. И опустѣлъ онъ. И эта пустота какая-то особенная, вѣковѣчная“. Боже Праведный! До чего мы дожили? Иеромонахъ Михаилъ говоритъ, что эта картина лживая... О, если бы лживая. О, если бы это была клевета. Но нѣтъ—это правда. Розановъ могъ быть въ такомъ храмѣ; и такихъ храмовъ на Руси, ахъ, какъ много. Тамъ, гдѣ штунда, сектантство, „упорствующие“... тамъ, да тамъ ходятъ священники по храму и поютъ: „хвалите раби имя Господне“, а рабовъ нѣтъ и нѣтъ. Да и тамъ ли только?—добавимъ мы отъ себя. Но да не смущается сердце наше. Они будутъ, будутъ. Господь пошлетъ на ниву Божию людей новыхъ, которые наполнятъ храмы. Пусть всѣ пастыри исполняютъ совѣтъ г. Тарѣва, и храмы наполнятся. А пока великое горе объемлетъ сердце хри-

стіанина. Сколько горя въ томъ, что, можетъ быть, тысячи православныхъ христіанъ сошли въ могилу, не зная Христа, а только св. Николая, Казанскую, Смоленскую, Троеручицу. Чѣмъ это не язычество? Да, характеристика гг. Тарѣевымъ и Розановымъ современнаго духовенства Православной Церкви нравственно гнетъ человѣка къ землѣ“¹⁾.

О. Недѣльскій упрекъ проф. Тарѣева въ отсутствіи среди современныхъ пастырей „живого слова“ распространяетъ и еще дальше.

Онъ говоритъ: „смѣло и правдиво пишетъ г. Тарѣевъ и пишетъ не ради чего-нибудь, а во имя любви къ Церкви. Но тяжело становится на сердцѣ и хочется сказать профессору, что говорить о сельскомъ или бѣломъ духовенствѣ не составляетъ особенной храбрости и заслуги, или „бранить бѣлое духовенство“ значить „бить не по коню, а по оглоблямъ“... Неужели высшее духовенство безупречно и постоянно, безъ всякихъ послабленій своимъ немощамъ, говоритъ проповѣди живою рѣчью, не по тетрадкѣ учительствуетъ и подаетъ назидательный примѣръ низшему, а низшее упорствуетъ, по своей злой волѣ не дѣлаетъ своего дѣла? Мы убѣждены, что такъ печально дѣло стоитъ потому, что высшее и низшее духовенство признаетъ такое положеніе нормальнымъ“²⁾...

Такъ мало понимаютъ у насъ значеніе „живого слова“ въ дѣлѣ проведенія христіанскихъ началъ въ жизнь паствы. Гдѣ же намъ подражать западнымъ проповѣдникамъ, для которыхъ слово было все?

Можно сказать и еще большее. У насъ въ настоящее время не только многіе не понимаютъ значенія „живого слова“ въ дѣлѣ пастырства и учительства, но не знаютъ и его мѣста въ ряду различныхъ пастырскихъ обязанностей. Многіе совершенно не подозреваютъ, какое высокое мѣсто оно занимало въ древнее время въ ряду пастырскихъ обязанностей и къ чему приравнивалось. На эту тему у меня собранъ обширный церковно-историческій матеріалъ, проливающей необыкновенно яркій свѣтъ на великое дѣло

¹⁾ С. Недѣльскій. Соч. цит. стр. 912 ср. Новый Путь. Авг. Стр. 239—241. Т. Романскій. „Живое Слово“.

²⁾ С. Недѣльскій. Соч. цит. Стр. 913.

церковнаго учительства пастыря. Но объ этомъ послѣ, въ недалекомъ будущемъ. А теперь отъ души пожелаемъ, чтобы идеи писателей о „живомъ словѣ“ побѣдили бы непониманіе ихъ многими и стали достояніемъ всѣхъ современныхъ пастырей. За „живымъ словомъ“ теперь несомнѣнно великое будущее.

VIII.

Мы переживаемъ смутные дни. Теперь всюду тьма всевозможныхъ совопросниковъ. Пастырь-учитель долженъ быть готовымъ дать отвѣтъ мятущимся людямъ не только въ храмѣ, но и въ школѣ, и въ домѣ, и въ полѣ, и на улицѣ, и на заваленкѣ,—словомъ всюду, гдѣ только захватить его жизнь. Онъ ежеминутно долженъ быть готовымъ дать отвѣтъ всякому вопрошающему его. „Современная проповѣдь, сблизившись съ дѣйствительною жизнью во всѣхъ сферахъ ея направленія, ставить задачей своей, разоблачивъ несостоятельность, ненормальность ложнаго направленія жизни, указать путь истинный, какимъ можно спастись и въ средѣ бытовой, общественной жизни, показать и научить, какъ должно и какъ можно жить по-христіански и въ той самой обстановкѣ, при тѣхъ самыхъ условіяхъ, въ которыхъ, силою естественнаго хода вещей, поставлены слушатели“¹⁾. Проповѣдникъ, стоя близко къ жизни, находясь на стражѣ всѣхъ ея теченій, долженъ освѣщать свѣтомъ христіанства каждую въ ней переменъ, „слѣдить за всѣми новыми движеніями и направленіями мысли въ христіанскомъ обществѣ“²⁾.

Духовная жизнь теперь напряжена, кажется, до послѣдней степени. Многіе маются въ поискахъ Лица Христова. Затронуты всѣ жгучіе церковные и христіанскіе вопросы. Многіе совершенно ужь сбились съ пути, не зная, куда имъ дальше идти. Тысячи рукъ простерты къ намъ съ мольбой—сказать имъ правду жизни, повѣдать тайну существованія на землѣ. Перестраивается почти весь старый укладъ жизни, напѣть быть, подъ вліяніемъ новыхъ культурныхъ началъ. Намъ говорятъ: низведите небо на землю, чтобы мы видѣли вашу правду не только тамъ въ далекихъ заоблачныхъ вы-

¹⁾ П. Заведеевъ. Исторія русскаго проповѣдничества отъ 17 в. до настоящаго времени. 1879 г. Стр. 230.

²⁾ Архип. Аморосій. Пропов. 1895 г. Стр. 412.

шивахъ, невѣдомыхъ намъ мірахъ, но и здѣсь на землѣ, въ своей бѣдной и убогой жизни, съ ея мелочами и незатѣйливыми нуждами, радостями и печалями. Скажите намъ что-нибудь и о землѣ. Вѣдь вѣчная, святая, совершенная жизнь начинается не со смертью только, а еще здѣсь на землѣ. Жизнь во Христѣ, хожденіе во свѣтѣ Христовомъ можетъ и должно начинаться не на небѣ, а на землѣ. Евангеліе дано и для земли. Многіе изъ интеллигенціи и простолюдиновъ теперь не знаютъ почти совершенно христіанства. Раздается сильная увлекательная проповѣдь, отвлекающая людей не только отъ св. Церкви, но даже и отъ христіанства. Словомъ, нужно теперь *слово жизни*, а не камень, жизненная Христова правда, ясная и понятная для всѣхъ, а не словесныя несбыточныя рѣчи. Нужны такія начала жизни, которыя могутъ быть сейчасъ же положены въ основу жизни, въ качествѣ самаго прочнаго фундамента. Нужно дать то, чего отъ насъ просятъ. Только эта реальная, всѣми осязаемая правда о жизни поправитъ дѣло, успокоитъ мятущихся людей, соединитъ ихъ въ едино стадо Христово ¹⁾).

Любопытно, св. Григорій Двоесловъ проповѣдническія темы распредѣляетъ не по временамъ года, а по характерамъ и состояніямъ людей. И современный пастырь иначе долженъ говорить простымъ землепашцамъ, иначе франтоватымъ фабричнымъ рабочимъ, иначе суетливой городской черни, иначе богатымъ торговцамъ, иначе бѣдному, иначе больному, иначе ученому, иначе невѣждѣ. „Какъ истинный пастырь, оставляя девяносто девять овецъ, идетъ отыскивать одну заблудшую; такъ проповѣдникъ Христовъ не пренебрегаетъ никакими явленіями въ современной жизни, но, усматривая за каждымъ изъ нихъ душу человѣческую, за которую пролита кровь Христова, онъ освѣщаетъ свѣтомъ Евангелія явленія и событія, дѣлаетъ ихъ поучительными, направляетъ общественное настроеніе къ христіанству“ ²⁾).

Такимъ образомъ современному пастырю приходится имѣть свою проповѣдь постоянно у себя, такъ сказать, за пазухой,

¹⁾ Ср. Рѣчи о приходѣ. *Церк. Вѣстн.* 1903 г. № 38 стр. 118 6-сл. В. Соловьевъ. Какъ пробудить наши церковныя силы? Полн. собр. соч. Т. 4, стр. 178 слл.

²⁾ Проф. М. Тарьева. По вопросамъ Гомилетики. Стр. 111 ср. 109—110.

не въ видѣ тетрадки, а въ видѣ „живого слова“. Ему нужно пламенѣть душой постоянно. „Отъ избытка сердца уста глаголютъ. Гдѣ нѣтъ этого избытка, уста нѣмѣютъ. Какъ хотите вы, чтобы отъ тощаго сѣмени плодъ произрасталъ? Откуда возьмется у насъ избытокъ святыхъ помысловъ и вдохновеній любви, когда проповѣдникъ не питаетъ его въ себѣ молитвою, чтеніемъ слова Божія и твореній св. отцевъ, размышленіемъ о самомъ себѣ и постояннымъ наблюденіемъ немощей человѣческихъ?... Иной, понадѣясь на свои богословскія познанія, шесть дней заботится единственно о мірскомъ, а въ навечеріе седьмого дня, на удачу избираетъ текстъ, призадумается, броситъ на бумагу нѣсколько бѣглыхъ мыслей, и мечтаетъ уже о плодоносномъ сѣяніи. Послѣ такого скуднаго приготовления, уста проповѣдника по необходимости передадутъ христіанамъ одну лишь слабую пищу, безъ жизненнаго сока и силы“ ¹⁾. Эту мысль можно встрѣчать у всякаго пастыря, который всегда говоритъ не чужое, а со скрижалей сердца.

„Проповѣдь не есть богословскій трактатъ, не урокъ по катихизису: она относится не къ области риторики, но къ области аскетики, т. е. внутренняго настроенія души говорящаго. По крайней мѣрѣ мы убѣждены, что лишь изъ доброй сокровищницы сердца можно выносить доброе“. Въ проповѣди почти все зависитъ отъ возвышеннаго настроенія души проповѣдника подъ вліяніемъ какого-либо догмата, библейскаго отрывка и т. п. „Насколько успѣхъ проповѣди зависитъ отъ самаго настроенія пастыря, даже отъ самой его личности, это видно изъ разсказа архіепископа Иннокентія, какъ одинъ проповѣдникъ вмѣсто всякаго поученія сказалъ однажды только три слова: „братіе, будемте плакать!“ и всѣ пали на землю и плакали. Много ли плачутъ при современномъ велерѣччіи витіи? Итакъ не должно отдѣлять внутренней жизни пастыря отъ его учительнаго слова. Проповѣдникъ не долженъ думать и желать одного, а говорить другое. Все, что онъ говоритъ въ проповѣди, все то божественное ученіе, которое онъ излагаетъ, должно пройти предварительно черезъ его душу, чтобы онъ являлся не кимваломъ, бряцающимъ ученіе Евангелія, но что-

¹⁾ Письма о должностяхъ священнаго сана. 1843 г. т. 1 стр. 184—185.

бы уста его глаголали отъ избытка сердца. Нечего и говорить о томъ, что *три четверти* дѣйственности слова зависятъ отъ настроенія духа пастыря, отъ того, насколько въ поученіи замѣтно его собственное одушевленіе и вѣра“.

Замѣчательно глубоко эта мысль о неотразимомъ вліяніи живого слова, слова убѣжденія на слушателей, раскрыта въ одномъ діалогѣ „Фауста“ Гете.

Вагнеръ говоритъ:

Прости мнѣ, если помѣшалъ.

Конечно, греческихъ ты авторовъ читалъ?

Ты декламировалъ. Признаться,

Искусствомъ этимъ мнѣ хотѣлось бы заняться.

Въ нашъ вѣкъ такъ много пользы въ немъ

Тому, кто хорошо его изучить.

Слыхалъ я, что иной актеръ въ искусствѣ томъ

И проповѣдника поучить.

Но по словамъ Фауста, наукѣ убѣждать другихъ нужно учиться вовсе не изъ риторики.

Ее ты изучить не въ силахъ будешь вѣчно,

Когда не носишь ты ея въ груди своей,

Когда не черпаешь изъ глубины сердечной

Всего, что дѣйствовать способно на людей.

Тогда запрись ты, собирая

Кусочки разные отъ пиршества другихъ,

Ихъ смѣшивай, одинъ съ другимъ слѣпляя,

И пищу для себя приготавливай изъ нихъ.

Быть можетъ, силою работы и терпѣнья

Раздуешь искру ты на днѣ души своей;

И если горло есть—заслужишь удивленье

Отъ обезьянъ и отъ дѣтей.

Но властвовать душой не будешь надъ душами,

Коль краснорѣчіе твое

Живыми, жгучими волнами

Не лется прямо изъ нея.

.....

Ищи успѣха честными трудами;

Но погремущками своими не смѣши.

Гдѣ умъ и чувство есть, тамъ, другъ мой, изъ души

¹⁾ *Епископъ Антоній*. Полн. собр. соч. Казань 1900 г. Т. 2 стр. 366.370.

Они свободно льются сами.

Зачѣмъ, чтобы о дѣльномъ разсуждать,

Пустыя фразы набирать?

Безплодно это все, какъ рѣзкій свистъ вѣтровъ,

Какъ бури вой однообразный,

Шумящій листьями въ дни осени ненастной

Средь облетающихъ лѣсовъ.

Далѣе, на насъ грозно надвигается сектантство со своею живою, горячею, энтузіастическою проповѣдью. Намъ грозятъ свободой совѣсти... Что будетъ дѣлать въ такомъ случаѣ нашъ пастырь съ своею убогою тетрадкою? Ужели ея онъ сможетъ защитить дѣло Христова на землѣ? Несомнѣнно, здѣсь нужно нѣчто гораздо большее тетрадки... Наконецъ, каждому пастырю-учителю нужно помнить, что Христосъ и Его ученики распространяли царство Божіе на землѣ только *живымъ словомъ*. Они не прибѣгали ни къ какому начальству, насаждая на землѣ такое новое царство, какого міръ еще не зналъ до того времени. Не опираясь на внѣшнюю власть, они однако своимъ *словомъ* привели къ подножію креста Христова весь міръ. Путь Христа и Апостоловъ—нашъ путь. Мы дадимъ Пастыреначальнику строгій отвѣтъ за всякое уклоненіе отъ этого пути...

Когда Апп. Петръ и Іоаннъ возвратились изъ заключенія въ собраніе іерусалимскихъ христіанъ и рассказали имъ все, что они претерпѣли за имя Христова, всѣ единодушно возвысили голосъ къ Богу и молились: „и дай рабамъ Твоимъ со всею смѣлостью говорить слово Твое“ (Дѣян. 4, 29). Какъ глубоко знаменательны эти слова. Первохристіане не просятъ Апостоламъ внѣшней силы, мощи, отмщенія врагамъ. Они просятъ имъ только „всякой смѣлости въ дѣлѣ распространенія Христова ученія“. Какъ благовременна эта молитва теперь. Какъ нуждаются въ ней и современные пастыри... Господи, помоги намъ.

Архимандритъ Евдокимъ.